

Константин Кузьмич Логинов

старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Институт языка, литературы и истории Кар НЦ РАН

Konstantin K. Loginov

PhD (Historical Sciences), senior researcher

Institute of language, literature and history Karelian RC RAS

kuzmich@sampo.ru

**О колоколах в народной культуре Обонежья
и в творчестве поэта Н. Клюева**

**About the bells in the Obonezhye folk culture
and in the creative work of the poet N. Klyuev**

Колокола в традиционном (крестьянском) звуковом ландшафте Русского Севера, и Обонежья, в частности играли исключительно заметную роль. Неслучайно крестьянский поэт Н. А. Клюев, родившийся и возмужавший в юго-восточном Обонежье, свой самый ранний поэтический сборник решил издать под названием «Сосен перезвон» [Клюев 1912]. Как чистейший колокольный звон он воспринял и передал читателям морозную звенящую тишину предрассветного соснового бора. Брачные трели кузнечиков русский слух также склонен воспринимать в качестве звона. Волне реальный звон в природе способны воспроизводить при ударе камнем или железным предметом отдельные камни и скалы с кристаллической структурой и природным резонатором внутри. Таковы «Звонковые камни» у д. Пегрема на северо-восточном берегу Онего-озера и у д. Вама на реке Вама в Водлозерье. Чисто биологическим феноменом является «звон в ушах», ощутив который русские люди начинают игру «Угадай, в котором ухе звени?». Старообрядцы считали, что это добрый и злой ангелы, приставленные к человеку с рождения (добрый за правое, злой – за левое плечо) нечто сообщают о человеке пославшим их силам. Чтобы прекратить звон в ухе, требовалось сказать: «Знаю, знаю, о чем вы там шепчетесь». Так

что Н. Ключев, глубоко пропитанный старообрядческой идеологией и мифологией, не мог не знать этого народного поверья.

Если рассуждать научно, то выше перечисленные феномены к колокольному звону непосредственного отношения не имели. В классификации музыкальных инструментов в общепринятой в мире музыковедов системе Хорнбостеля — Закса крестьянские колокола относят к типу 1.1 «Ударные идеофоны». Общим свойством данного класса идеофонов, изготовленных из металла, было воспроизводство в результате внешнего удара однотонно вибрирующих звуков. Конструкция колоколов, оснащенных подвешенным внутри них металлическим язычком, преобладала [Логинов 1993а: 31, 59]. Редкой была конструкция, при которой звук из колокола извлекался нанесением по корпусу удара металлическим предметом. В деревнях Обонежья бытовали и деревянные коровьи колокола, которые издавали звуки, воспринимаемые как однотонные повторяющиеся стуки, но не звон. Деревянных коровьи колокола (*ботала*) конструктивно повторяли язычковый колокол из металла. Их стенки и верх изготовлялись из березовых пластинок, а внутри подвешивался кованный железный язычок, который при утрате заменяли железным гвоздем. Деревянные ботала во всех деталях воспроизводили свой прототип – уплощенный с боков «подпрямоугольной» формы колокол, изготовляемый из жести. Деревенскими кузнецами на жестяные колокола «для красоты» и предохранения от ржавчины, а также для достижения более звонкого их звучания нередко наносили тонкий слой меди. Коровьи колокола из обмедненной жести в Обонежье называли *воркунами*.

Литые из меди конские поддужные колокольчики (*валдаи*) и бубенцы (*шаркунки*) крестьяне Обонежья обычно покупали на деревенских ярмарках. Крупнейшим центром производства литых изделий на Русском Севере была Выгореция. Литейное производство было также организовано заонежанми на основе сырья, добываемого в урочище Медные ямы. Старообрядцы отливали любые колокола: медные, серебряные, церковные, конские поддужные, и

более мелкие конские колокола-прозвонки. Прозвонком же звали и самый малый медный колокольчик для овец. Коней на выпас в лес отпускали только с «валдаями» и «прозвонками», коров – и с «боталами», и с «воркунами». Утрата колокола даже рядовой коровой была плохой приметой. Если же его теряла корова-вожак, это рассматривалось крестьянами как предвестие крупной потравы диким зверем всего деревенского стада [Логинов 1986: 39]. Всего один «прозвонок», а то и «шаркунок», исключительно из соображений экономии, вешали на шею барана-вожака. В XIX – первой трети XX вв. в тонкостях устройства и звучания крестьянских колоколов разбирались даже дети и подростки.

Утилитарное использование колоколов и колокольчиков в деревне было многоплановым. По звону колокола домашнее животное отыскивали в лесу. На звоны же домашние животные и люди в потемках подтягивались из лесу в родную деревню. Звонком конского колокольчика возница обозначал передвижение по дороге своего транспорта, чтобы встречный возок за поворотом вовремя мог принять правую сторону дороги. В туман звон колоколов был более надежным ориентиром путника или судоводителя на водном пространстве, чем огни костров и даже маяка на берегу. И так далее и тому подобное.

Самым главным колоколом в селе выступал, конечно же, церковный колокол, а в поселении с часовней – часовенный колокол. В родной для Ключева д. Желвачево часовни не было. Церковь с колокольной располагалась на погосте в версте от деревни. Колокол в таких деревнях Русского Севера заменяло металлическое *било* – достаточно большой плоский металлический предмет, подвешенной на веревке. Звук (вибрирующий и однотонный, но более резкий, чем у колокола) из него извлекался ударами топора, молотка или иного увесистого железного предмета. По интенсивности звучания была, крестьяне понимали, созывают их на сход, поднимают ли на борьбу с пожаром, отгоняют ли диких зверей от жилья или же охраняют деревню от страшной беды – «Черной смерти», как тогда именовали сибирскую язву. Во

время ритуального опахивания селения сохой, в которую впрягались обнаженными три честных вдовы, не только на церкви надрывались все имеющиеся на колокольне колокола, но и неистово звенели все имеющиеся в округе била.

В славянскую культуру церковные колокола пришли из церковной культуры Западной Европы. Т. А. Агапкина разыскала запись византийского хронографа IX в.: «...православные бьют в било, держа в руках по Ангелову учению, а в колокола латыне звонят» [Агапкина 1999: 214]. Хотя православие Руси во всем старалось ориентироваться на византийские традиции, колокола в русских церквях вытеснили била далеко не сразу. Даже в конце первой трети XV в. Зосима Соловецкий собирал монастырскую братию на молитвы не звуком медного колокола, но древнего «каменного клепала» [Она же: 215], т.е. звуком каменного била. Да и в онтологическом плане плоское металлическое било предшествовало колоколу. Исходным было деревянное било/клепало, т.е. доска из прочного сухого дерева, по которой колотили палкой-колотушкой, извлекая характерный звук трескучего удара. В старинном византийском православии таким биллом верующих собирали на церковную службу [Агапкина 1999: 211]. Деревянной доской *колотилом* пользовались старообрядцы Севера, созывая «верных» на службу так, «чтоб становые и благочинные не слышали» [Она же: 216]. Что до деревянной пастушьей доски *колотилки* или *барабанки*, то она была широко известна по всему Русскому Северу¹. В исторической ретроспективе преобразование била в колокол было всего лишь делом возникновения литья металлов. Затем металлическое било, имеющее форму продолговатой плоской пластины (таковым било и осталось в русской традиционной культуре), древние музыканты свернули в трубу. Изделие получилось более эргономичными, чем плоское било, благодаря пустотелому резонатору, который усиливал ударный звук. Такого рода идеофон в крестьянской

¹ Доска, подвешивалась на грудь на веревочке через шею и из нее выбивали дробный стук двумя палочками. В Обонежье, впрочем, в XIX – начале XX вв. данный пастуший инструмент встречался крайне редко. Здесь, как местные, так и пришлые пастухи предпочитали классические рожки и пастушьи трубы.

культуре Обонежья не сохранился, но в музыкальной культуре Восточной и Юго-восточной Азии он известен: мелодичные звуки возникают от сотрясения и ударов друг о друга близко подвешенных металлических трубочек. Следующий этап превращения била в колокол состоял в том, что один конец металлической трубы был запаян. Так получился простейший, наиболее архаичной конструкции колокол, не имеющий подвесного язычка. По нему приходилось ударять, чтобы извлекать звук. Лишь на очередном этапе преобразования била в колокол внутри резонатора был прикреплен качающийся язычок. Такие колокола, отлитые из бронзы, были известны еще в древней Ассирии [Валенцева 1999: 283]. Этот прием позволилкратно снизить затраты энергии на получение звука из колокола, поскольку он возникал не от ударов, требующих замаха, а от простого раскачивания с совсем небольшой амплитудой. Это же позволило извлекать звук из колокола без использования человеческого интеллекта, благодаря чему колокол стало возможным использовать не только для коммуникации человека с человеком, но и с бессловесным домашним животным². Ведь звук возникал непроизвольно, от ходьбы.

Своеобразную коммуникативную функцию мог играть самый-самый мелкий колокольчик, который только изготовляли мастера специально для борьбы с засильем крыс в мучных амбарах и складах. Крысе, спойенной до бессознательного состояния с помощью намоченного в вине хлеба, вешали на шею такой колокольчик. Протрезвев, крыса бежала к сородичам, а те, пугаясь звона, убегали от нее. Так склад либо сразу несколько амбаров освобождались на время от засилья грызунов. В Вытегре, которая служила перевалочным пунктом для муки, перевозимой из Поволжья на Северо-Запад России, это была самая обычная практика. Николай Клюев не мог о ней не знать, прожив два года в съемной квартире в доме, сразу за которым начинались продовольственные склады. Звонкий конский колокол в

---

² В истории человечества были периоды, когда не только животных, но людей метили бубенцами и колокольчиками. С бубенцами на одежде при дворе знати в Средневековье обязаны были ходить шуты, по дорогам Европы – прокаженные.

Обонежье порой использовали даже в качестве изоциренного орудия убийства медведя, который причинял ущерб выше среднего, задирая зараз трех и более крестьянских коров. Всем обществом собирались деньги на ведро водки, которое вкапывали в землю рядом с мертвыми коровами. Насытившийся медведь неизменно выпивал всю водку и бесчувственно валился на землю. Охотники не убивали топором, не закалывали рогатиной, а вешали зверю на шею на крепком кожаном ремне конский колокол. Проснувшийся зверь не мог освободиться от звона колокола, днем и ночью беспрестанно тряс головой, а через четыре-пять дней погибал в тяжких мучениях от изъязвления желудка и пищевода.

В русском языке колокол антропоморфировался (уподоблялся человеку и его телу), подобно русской печи или человеческому жилищу. У колокола специалисты выделяют тулово, оплечье, язык, уши, плащ, юбку [Агапкина 1999: 219]. Поэтому неудивительным было использование их в народной культуре не только с утилитарно-магическими, но и откровенно магическими целями. В Обонежье, в частности, архаические колокола без язычков применяли сваты в обряде *рукобитья*. Прежде всего, потому, что колокол по своим формам уподоблялся женской вульве, а ударный стержень – мужскому фалосу [Агапкина 1999: 219-220]. Но был еще один нюанс. Обряд *рукобитья* (*богомолья*) родителей жениха и невесты считался окончательно состоявшимся лишь после трех ударов стержнем в колокол. С третьего удара невеста должна была начать первое свое свадебное причитание. Если невеста была против замужества, то она или подружки старались загасить богомольную свечу, а надежнее всего – украсть такой колокол [Логинов 2016: 219]. Еже ли сваты звонили в колокол с язычком, то даже ее родители могли потом отговориться от заключенной свадебной сделки тем, что «колокол был не настоящий». После третьего удара сват прятал внутрь колокола ударный стержень, заворачивал их в женский

повойник, утыканный английскими булавками³, и прятал себе в глубокий карман. То и другое затем перепрятывалось в доме жениха (молодого) так, чтобы в течение 40 дней никто к ним не прикоснулся. Считалось, что после этого дело со свадьбой не сможет расстроиться даже от враждебного действия колдунов. Был ли знаком с этой информацией Н.А. Клюев, не известно. Автору эти сведения удавалось записывать в нашем веке лишь в таких «заповедниках старообрядчества» как д.Водла (Водла Старообрядческая) на р.Водле и в д.Семеново на оз. Кенозеро. Но, похоже, что в XIX веке эта практика была всеобщей [Сумцов 1881: 96]. Здесь же следует сказать, что однажды в экспедиции (в с. Андома Вологодской области) автору довелось получить информацию, что колокол без язычка применялся в поминальной обрядности. Колокол был прибит к деревянному кресту на могиле, а рядом на веревочке висел обычный гвоздь, которым ударяли трижды по колоколу, чтобы сообщить покойному (вариант - разбудить покойного) о своем к нему приходе [Логинов 2016: 220].

В народной культуре Обонежья применялся несравнимо шире, чем колокол без языка. В скотоводстве до восхода солнца на день Егория весеннего (6.05. по н. ст.) звоном «скотских» колоколов, надетых на шеи маленьких детей⁴, пробуждалась, очищалась и освящалась от зимней спячки территория вокруг жилищ, хлевов и всей деревни; после захода солнца водой, зачерпнутой этими колоколами, освящалась вода, которой поили скот в первый день выгона на летние пастбища и в течение лета лечили приболевшую домашнюю скотинку [Логинов 2006а: 73].

Широко известным среди всех славянских народов, был магический способ лечения детских болезней, связанных с дефектами и расстройством речи у младенцев и детей с помощью звона колокольчика над теменем

³ Женский повойник сват брал для того, чтобы, согласно магии уподобления, *обабить* девушку, а английские булавки, имеющие на тупом конце цветной шарик – чтобы «*обратного хода не было*».

⁴ Дети Обонежья использовали колокольчики в своих играх. В игре «Олени и медведь» ведущий звонил в колокольчик, младшие дети (*олени*) начинали опасливо двигаться в сторону спрятавшегося за гребень холмика, камень или кочку старшего ребенка (*медведя*), припевая: «У медведя на бору, грибы-ягоды беру». При этом «олени» пригибались к земле и пощипывали травку, имитируя слова песни. Если бубенцов хватало, то еще и позванивали в бубенцы.

ребенка [Валенцева 1999: 286]. Локальные обонежские особенности были связаны с местами забора воды: тремя равными порциями у места слияния трех ручьев, из трех лесных ключей, из трех колодцев, но обязательно раньше всех до восхода солнца и др. [Логинов 1993б: 52-53, 132; Логинов 2010: 81].

У молодежи Обонежья имелись свои магические ритуалы, связанные с использованием колоколов. Прежде всего, они были направлены на то, чтобы поднять свою девичью *славу* или *славутность*, благодаря которой якобы ускорялось замужество, привлекались наиболее желательные сваты. Так на Пасху они звонили с заветной целью: «Чтобы слава моя рабы божьей (имя рек) разнеслась так далеко, как слышен этот колокольный звон». В Благовещенье под колокольный звон девушки расчесывали волосы. Забираясь тайком на колокольню, намывали колокол водой, приговаривая: «Как этот колокол далеко звенит, так моя слава далеко летит». Слитую с колоколов воду заготавливали в бутылочках впрок, чтобы, умываясь, повышать свою привлекательность у парней в дни гуляний и праздников. С той же целью они скоблили ножами упряжную дугу приезжих сватов выше крепления поддужного колокола, чтобы водой с стружками умываться перед посещением праздников, вечеринок и деревенских бесед [Логинов 2016: 210-217]. Нечто подобное отмечалось в традициях всех славян [Агапкина 1999: 217-218, 257, 264]. Настолько общеизвестны и повсеместны были гадания по звону колокольчиков на перекрестках, что описывать их не будем.

Для рекрутов звон колоколов на церквах тоже имел особое значение – в день призыва колокола звонили специально для них [Агапкина 1999: 218]. В Обонежье перед призывом рекруты устраивали конные заезды на лошадях, на шеи которых непременно навешивали колокола. Победителей ожидали приветствия сельчан на околице и поцелуи девушек. Если же парень, не удержавшись, падал с коня на скаку, ожидали, что живым он со службы не вернется [Логинов 2010: 202]. Коней, на котором соревновались рекруты, положено было вечером сильно бить в конюшне, прежде, чем снять с их шеи

колокол, как будто животное было виновато в том, что парня призвали на государеву службу.

О роли звона колокола в свадебных обрядах уже было сказано несколько выше. Добавим, что само венчание происходило под венчальный перезвон колоколов на звоннице. К выходу новобрачных из церкви главный колокол повозки невесты дружкой перевешивался на упряжную дугу коренного коня жениха («чтобы молодые жили дружно», чтобы «пели и говорили с одного голоса»). При отъезде от церкви в дом молодого одновременно радостно звонил колокол на церкви, звенели конские колокола на свадебной дуге, трезвонили бубенцы на сбруе.

Похоронные и поминальные звоны – это сфера исключительных забот церкви. Лишь изредка женщины, выданные в чужие дальние деревни, на Пасху поднимались на звонницу и причитывали: «Зазвоню, звоню в колокол, пусть покойная матушка слышит его за лесами, за озерами» [Логинов 2010: 389].

В звонах, перезвонах и в трескучей дробе колоколов, деревянных и железных бил Н. А. Клюев, должно быть, разбирался несравнимо лучше современных исследователей его жизни и творчества. Все эти ударные идеофоны были для него реальностью, без которой он не представлял окружающий мир. Доктор филологических наук, Е. И. Маркова, желая помочь автору этих строк в написании данной статьи, представила обширный список с указаниями на некоторые произведения поэта, где он говорит о колоколах и звонах, билах, и колокольчиках. Приведу только верхнюю и далеко неполную часть списка из одного лишь «Сердца Единорога»⁵. Убеждает, не правда ли? Исследовать все случаи использования данных слов Н.А. Клюевым – непосильная задача. Обратимся лишь к одному, но самому

⁵ **О колоколах и звонах:** Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы СПб.: РХГИ, 1999: 30. *Песня о Соколе и трех птицах Божиих*; 35. *Дремны...*; 29. *Обидин плач*; 33. *Помню...*; 187. *Умерла...*; 42. *Песня о мертвом женихе*; 44. *Поэт*; 56. *Облака...* 63. *Родное*; 65. *С осени...*; 74. *Я...*; 87. *Отгул...*; 103. *Полуночица*; 114. *Старуха*; 155. *Пушистые...*; 158. *Скрытый стих*. Колокол, колокольчик, било, бубенчик (там же): 227. *Что...*; 246. *Поэту Сергею Есенину*; 250. *Белая повесть*; 282. *Где...*; 297. *Сказ грядущий*; 300. *Песнь Солнценосца*; 336. *Я...*; 339. *Русь-Китеж*; 342. *На ущербе...* и так далее.

яркому произведению, в котором поэт отразил, похоже, непреложную для него истину о том, что «Звон колоколов – это Глас Божий». Тот, кто называл себя *«Ясновидящим народным поэтом»* [Михайлов 2003: 9], просто не мог не создать такое стихотворение. Конечно же, речь идет о ранней части (1908 г.) его, убежден, биографического стихотворении *«Помню я обедню раннюю»* [Клюев 1999: 105]. Да и как мог поступить иначе поэт, которого *«Окрестили ...Николаем – по имени Николы Святоши, первого русского князя, принявшего монашество, постриженного в Киево-Печерской обители, чьи непрерывные труды сопровождалась молитвой Иисусовой, стяжавшего дар прозорливости и врачевания»* [Куняев 2014: 8]. В автобиографическом эпистолярном произведении поэта *«Гагарья судьбина»* [Клюев 2003: 31-42] Клюев буквально вопиет о том ослепительном мистическом порыве, с которым он бросился в жизнь, пытаясь найти применение ощущаемым в себе задаткам сильного целителя и редкого по способностям прорицателя [Маркова 1997; Логинов 2006б; Куняев 2014 и др.]. Приведем раннюю часть стихотворение полностью:

«Помню я обедню раннюю,
Вереницы клобуков.
Над толпою покаянною
Тяжкий гул колоколов

Опьяненный перезвонами,
Гулом каменно-глухим,
Дал обет я пред иконами
Стать блаженным и святым.

И в ответ мольбе медлительной
Покрывая медный вой,
Голос ясно-повелительный
Мне ответил: «Ты не мой!»

Юноша, стремящийся к славе и бессмертию, и ясно ощущающий за собой великую силу и будущую судьбу, но воспитанный в традициях ортодоксального старообрядческого православия, прочувствовал духовным

образом, что не примет его непримиримая к его любимой Старине официальная православная церковь. А значит не быть ему ни святорусским, ни северно-русским, ни даже, на чтобы он вряд ли согласился, свято обонежским молитвенником и иноком.

Литература и источники:

1. Агапкина Т. А. Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий. Семантика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 210–281.
2. Валенцова М. М. О магических функциях колокольчика в народной культуре славян Мир звучащий и молчащий. Семантика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 283–294.
3. Клюев Н. А. Сосен перезвон. Стихи / предисловие Валерия Брюсова. М.: Знаменский и Ко, 1912. 79 с.
4. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисловие Н. Н. Скатова, вступ. статья А. И. Михайлова, составление, подготовка текста и примечания В. П. Гаранина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
5. Клюев Н. А. Словесное древо. Проза. / Вступит. статья А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
6. Куняев С. С. Николай Клюев. Серия ЖЗЛ. И.: Молодая гвардия, 2014. 548 с.
7. Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1993. 157 с.
8. Логинов К. К. Семейные обряды и обычаи русских Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 227 с.

9. Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 276 с.
10. Логинов К. К. Николай Клюев и традиционные мистические практики России конца XIX – начала XX вв. // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», посвященной 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Клюева 21–25 сентября 2004 год. Петрозаводск, Кар НЦ РАН, 2006. С. 19–30.
11. Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обычаи, обряды и конфликты. М. Петрозаводск.: Ун-т Дм.Пожарского, 2010.
12. Логинов К. К. Звон «естественный», утилитарный и ритуальный в традиционной крестьянской культуре Обонежья // Колокола и колокольчики: Альманах. Ред. М. С. Каровкая, С. А. Старостенков. Мин-во культуры РФ., ГМЗ «Ростовский кремль». Ростов Великий, 2016. вып.1. С. 208–220.
13. Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997. 316 с.
14. Михайлов А. И. О прозе Николая Клюева // Николай Клюев Словесное древо. Проза. / Вступит. статья А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 5–26.
15. Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков: Тип. И. В. Попова, 1881. 214 с.